

Д. Чижевского, обернулось тут против него самого. Между тем элементарная логика заставляет сомневаться в том, что Кульман искал в России почву для создания «пятого иезуитского царства»: ведь ни один хилиаст, в том числе Кульман, не ожидал некоего локального тысячелетнего царства Христова. Евангельский свет должен был озарить всю землю; следовательно, хилиасты могли отводить России лишь роль божьего орудия.

В научной литературе, начиная с XVII в. и кончая Д. Чижевским, разрабатывались прежде всего теологические проблемы. Вопрос о религиозных взглядах Квирина Кульмана, о связях его с философией Якоба Беме и тому подобное мы затрагивать не будем. Программа Кульмана интересует нас прежде всего в плане ее связи с идеологией чешских побелогорских эмигрантов, а именно с идеологией их радикальнейшего крыла — общины «чешских братьев», в частности с планами крупнейшего чешского педагога, философа и писателя, последнего епископа общины Яна Амоса Коменского.

Уже на титульном листе «Kühl-Jubel» Кульмана, одного из тех его «прохладительных торжеств», которые он хотел преподнести царям, напечатаны видения К. Коттера и М. Драбика; там же приводятся и комментируются «пророчества» К. Понятовской и Ш. Мелиша, — последние трое были членами общины, и именно Коменский издавал их видения. Кульман и Нордерман на допросах постоянно ссылались на чешских «пророков»; Кульман привез в Москву книгу Коменского «Lux e tenebris», которая содержала латинский перевод видений Коттера, Понятовской и Драбика. Именно при помощи «пророчеств» этих представителей братской церкви Кульман хотел повлиять на московское правительство, убедить его согласовать внешнеполитические планы России с собственной программой.

Последствия Белогорской битвы оказались катастрофическими для чешской культуры. С точки зрения идеологической, для «эпохи тьмы» (как называли и часто называют до сих пор период от двадцатых годов XVII в. по семидесятые годы XVIII в.) характернейшим явлением стала контрреформация, в искусстве утвердилось барокко, политика определялась габсбургскими абсолютистскими и централистскими устремлениями. Чешский язык постепенно был вытеснен немецким и латынью из всех областей государственной и культурной жизни. Эмиграция и Тридцатилетняя война уменьшили население Чехии примерно наполовину.

Новое уложение, изданное Фердинандом II в 1627 г. для Чехии, а через год распространенное и на Моравию, устанавливало наследственные права Габсбургов на чешский трон и единственной религией признавало католицизм. Лучшие представители чешской литературы и культуры были вынуждены покинуть родину. В первые десятилетия после белогорского поражения ситуация не раз, казалось, могла измениться в пользу Чехии. Так, в 1631 г. саксонские войска заняли Прагу; вместе с ними вернулась часть изгнанников. Однако вскоре Прага вновь попала в руки Габсбургов.

Вестфальский мир 1648 г., через два года подтвержденный в Нюрнберге, нанес сокрушительный удар по надеждам чешских эмигрантов. Тем не менее в кругах эмиграции и позднее разрабатывались планы военного давления на Габсбургов. Немалую роль в разработке этих планов играла община «чешских братьев» и один из ее руководителей — Коменский.

Политические чаяния чешских реформатов формулировались, между прочим, в «пророчествах» Кристофа Коттера, Кристины Понятовской, Штепана Мелиша и Микулаша Драбика. Пожалуй, в истории Европы никогда не появлялось вдруг столько различных пророков и ясновидцев, как во времена Тридцатилетней войны — сразу же с начала чешского восстания, с 1618 г. Тогда, кстати, появилась комета, «возвещавшая» страш-